

Олег Григорьевич Усенко (Тверь)
кандидат исторических наук, доцент

*Работает на кафедре отечественной истории
Тверского государственного университета*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НА ДОНУ В 1697—1707 гг. И ПОВОД ВОССТАНИЯ К. А. БУЛАВИНА

В исторической литературе общим местом является утверждение, что главной предпосылкой восстания К. А. Булавина была постепенная ликвидация прав и вольностей донских казаков. С конца XVII в. правительство начало распоряжаться владениями Войска Донского, вмешиваться в его внутренние дела, ограничивать жизнь и деятельность казаков различными запретами. Казаки попали в подчинение азовскому губернатору, почти потеряли право самостоятельных внешних сношений. Наконец, правительство повело решительную борьбу с исконным правом казаков не выдавать беглых с Дона.

Одни исследователи полагают, что вызванное этой политикой раздражение казаков обращалось главным образом против правительства — “бояр”, а также против местной администрации: воевод, офицеров и чиновников¹. Другие авторы считают, что на рубеже XVII–XVIII вв. вера донских казаков в доброту и справедливость царя оказалась подорванной, и это явилось одной из причин булавинского движения, которое по своей сути было антимонархическим. Причём в доказательство данного тезиса часто приводятся высказывания казаков, извлечённые из дел Преображенского приказа о том, что теперь “на Дону от государя тесно становится”, надо бы его схватить и перейти под власть турецкого султана, а также о том, что Пётр I — “подменный” царь².

Большое внимание историки второй группы уделяют борьбе бахмутских казаков за соляные промыслы и уголья, которую они вели под предводительством К. Булавина с Изюмским слободским полком. Все авторы, изучающие историю этого конфликта, видят в нём прелюдию восстания 1707–1709 гг. Кульминационным пунктом борьбы за спорные земли являются события 1705–1706 гг., когда К. Булавин, бывший в то время атаманом Бахмутского городка, во главе отряда казаков и “голытьбы” изгнал изюмцев из угодий, разорил их постройки, а затем арестовал приехавшего из Воронежа дьяка А. Горчакова, не допустив его до описи соли и убытков, понесённых изюмцами.

Почти все исследователи считают, что это была борьба не столько с изюмцами, сколько с правительством и даже самим царём. Причём предполагается или прямо утверждается, что и казаки так смотрели на свои действия. Одни авторы, правда, аргументируют свою точку зрения лишь ссылкой на то, что бахмутские соляные промыслы были отписаны на государя³. Другие ссылаются также на арест дьяка А. Горчакова и на отказы казаков следовать царским указам⁴.

Между тем, есть основания сомневаться в том, что донские казаки в начале XVIII в. действительно были настроены против Петра I и что они подумывали о восстании задолго до 1707 г.

Во-первых, ядром социально-политических представлений казачества (как и других категорий трудящихся) был “наивный монархизм”, главными чертами которого были уважительное отношение к царю и уверенность, что виновниками социальных бед являются “бояре”⁵.

Во-вторых, о лояльном отношении казаков к монарху свидетельствует анализ донского фольклора конца XVII — начала XVIII вв. Донские казаки, сослужив Петру I службу во время Азовских походов, оказались в сложном положении. Отныне путь в море “за зипунами” был им закрыт, строительство флота в Азове и Воронеже доказывало, что казачьи услуги в борьбе с “басурманами” на море больше царю не требуются. Фольклорные произведения конца XVII — начала XVIII вв. отразили чувства уныния и печали, охватившие казачество Дона. Тем не менее, в них нет ни нотки упрёка в адрес царя⁶. Нет в донском фольклоре того времени и осуждения Петра за то, что он взял в жёны “немку”. Этот поступок оправдывается тем, что якобы она была единственной, кто узнал в Петре “русского императора”, когда его корабль прибило к острову, где она жила⁷. Правда, в Азове в 1704 г. был наказан батогами солдат, который пел песню о том, как Пётр I уговаривал постричься в монастырь свою первую жену — Евдокию⁸. Но нам остаётся лишь гадать, была ли эта песня известна донским казакам.

Таким образом, для успешного изучения петровской эпохи необходимо выяснить, чем конкретно были недовольны донские казаки в 1697–1707 гг., против кого — Петра I или “бояр” — обращалось их недовольство, сколь часто задумывались казаки о восстании в это время, наконец, каков был повод восстания К. Булавина.

Решению поставленной задачи могут помочь хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) материалы следствий по государственным преступлениям и “Донские дела”. Главный интерес для нас представляют документы Преображенского приказа. В работе используются материалы 12 следственных дел, извлечённых из фондов 6 и 371.

[с. 149]

Выдержки из 7 дел уже публиковались (М. М. Богословским и Н. Б. Голиковой), остальные материалы вводятся в научный оборот впервые. Впервые используются для решения поставленной задачи и “Донские дела” за 1704–1708 гг. (фонд 111).

Прежде чем анализировать данные, полученные из доносов и “расспросных речей”, нужно решить, каковы эти источники в плане достоверности и репрезентативности.

М. М. Богословский решил этот вопрос таким образом: доносы и “расспросные речи” нельзя считать абсолютно достоверными, часть сведений, содержащихся в них, надо рассматривать как вероятные. Подследственные могли не говорить тех слов, которые им приписываются в извете, но они могли так думать. По мнению исследователя, “оговоры отражают образ мыслей и настроение той среды, из которой они исходили”, ибо доносам не верили бы, будь они невероятны⁹.

На наш взгляд, подобный подход страдает излишней “доверчивостью”. Конечно, обвиняемые могли думать так, как об этом доносилось, но с такой же долей вероятности их могли оговорить. Почему же мы должны верить именно изветчику, а не самому обвиняемому, если последний отрицает обвинение? Далее, о какой “среде” нужно говорить, если на донских казаков поступил, к примеру, донос от беглого стрельца, прожившего на Дону максимум 2 месяца? Наконец, не стоит забывать, что в XVII и в начале XVIII вв. судьи верили всяким, даже самым невероятным (на современный взгляд) вещам.

Мы будем расценивать сведения, содержащиеся в изветах и “расспросных речах”, как достоверные только в том случае, если изветчик не отказывался под пыткой от своих слов, если обвиняемый признавал справедливость поступившего на него доноса, если этот донос опирался на свидетельства очевидцев (пусть даже обвиняемый всё отрицал).

Что касается аутентичности “расспросных речей”, их соответствия реально произнесённым словам допрашиваемых, то данной группе источников можно вполне доверять. Правда, необходим учёт следующего обстоятельства: “Почти все записи не

протокольные в нашем понимании, а довольно подробная и относительно точная только по смыслу передача ответов... допрашиваемых в нормах приказного языка. Показательно, что в этих свитках преобладает передача показаний косвенной речью... Но и прямая речь лишь в очень редких случаях может быть сочтена за точную запись, тем более, что никаких отступлений от выученной орфографии и грамматики дьяки при этой записи не допускали»¹⁰.

Судя по делам Преображенского приказа, первое известие о том, что донские казаки могут поднять восстание, относится к 1697 г. Одним из участников заговора А. Соковнина и И. Циклера был признан казак П. Лукьянов, бывший на Москве в составе зимовой станицы. В разговоре со стрелецким пятидесятником В. Филипповым он сказал, что на Дону недовольны малой наградой за взятие Азова (“тысячей золотых”), поскольку этих денег “на войско делить нечево”. Однако из других речей П. Лукьянова вытекает, что недовольство казаков обращалось против “бояр”, т. к. условным сроком восстания он называл отъезд Петра I за границу: “Дай де нам сроку, поворотимся де мы, как государь пойдёт, и учиним де по-своему, полно де что и преж сего вы нам мешали, как Стенька был Разин, а ныне де мешать некому”. Целью казачьего выступления объявлялось следующее: “Московскому государству разорение чинить: казакам было Москву разорять с конца, а... стрельцам с другого конца”¹¹.

Данные материалы, однако, позволяют с уверенностью говорить о бунтарском настрое лишь одного человека — П. Лукьянова. Вопрос о том, каковы были думы казаков на Дону, остаётся открытым.

Несомненные сведения о вспышке бунтарских настроений в широких массах казачества относятся к августу — октябрю 1698 г. Станица, вернувшаяся из Москвы, принесла весть о восстании стрельцов — о том, что их порубили “бояре” и “потешные”, от которых сам “государь царевич окопался на Бутырках”. Казаков больше волновало то, что царя не только нет в России, но и на письмах из-за границы нет его “руки”. Возникло подозрение, что государя нет в живых, а “бояре” это знают и готовятся к тому, чтобы захватить всю власть. Ходили слухи, что без царского указа отбирается оружие у стрельцов в поволжских городах, что уже была попытка задушить наследника трона, который спасся благодаря одному царедворцу. Донские казаки уже были готовы идти на “бояр” в союзе с крестьянами и посадскими людьми. Но сначала им нужно было “доведаться подлинно”, жив ли Пётр I. Казаки решили подождать до 1 сентября, затем срок перенесли на “заговенье” (вероятно, Филиппово — 14 ноября): если царь к этому времени в Москве не окажется, казаки выступят в поход¹². Известие о возвращении Петра в Москву для проведения розыска по стрелецкому делу казаков утихомирило. При этом, как отмечает М. М. Богословский, отличительной чертой их разговоров было то, что личность царя стояла вне пересудов¹³.

Последнее известие о том, что ещё до булавинского выступления донские казаки были готовы подняться на восстание, датируется 1700 г. При этом его достоверность вызывает сомнение. Казак Верхнекаргальского городка Иван Рязанов донёс на жителя того же городка Ермолая Раздорского, будто последний говорил, что в Воронеже собираются солдаты, чтобы “донских казаков рубить, толко де не знают, с которых мест почать, с верху или с низу”. На это другие казаки якобы ответили: “Естьтли де казаков станут рубить, и мы де на низу ещё живы”. В конце концов И. Рязанов повинился в поклёпе¹⁴.

Это дело можно взять за отправную точку и при анализе царистских взглядов донских казаков накануне булавинского восстания. Тот же И. Рязанов на пытке обвинил казака Потапа Мухина в том, что он говорил такие слова: “Ныне нам на Дону от государя тесно становитца. Как де он, государь, будет на Дон, мы де ево приберём в руки и отдадим турецкому султану. Так де у нас Дон будет по-прежнему. И прибрать де ево, государя, в руки нам и малыми людьми свободно, для того что он по реке Дону ходит в шлюпке с малыми людьми. Зберётца де нас человек ста с 3 или 4, да и многие от нас не отстанут”.

Увы, эти слова, столь полюбившиеся многим историкам, которые охотно их цитировали, — не что иное, как поклёп, вымысел. Ни П. Мухин, ни другие казаки такого не говорили — Рязанов сознался, что и в этом доносе он всё “сказал напрасно”¹⁵.

Правда, ещё один его извет — на бродячего попа Р. Иванова — следует считать соответствующим действительности. По словам И. Рязанова, поп собирал

[с. 150]

казаков, “чол книги” и говорил, что Пётр I — Антихрист, приводя в доказательство следующее: “у Антихриста будут ноги коровьи и возлюбит де он еллин, а чести русским людям не будет”. Соответственно Пётр получил такую характеристику: “у него де ноги коровьи, что носит башмаки немецкие, видите де вы и сами, и разумеите, и бегите от него прочь, чтоб вам не принять ево антихристовой печати”. Извет И. Рязанова подтверждается доносом монаха Аарона¹⁶.

Тем не менее, эти сведения можно использовать для характеристики царистских воззрений донских казаков лишь с большой осторожностью. Во-первых, поп Р. Иванов был “бродячий”, т. е. на Дону появился недавно. Во-вторых, мы знаем, что кто-то из казаков его слушал, но не знаем, “слышали” ли его. Насколько ему верили? насколько услышанное отразилось на мыслях и поступках казаков? Пока же мы можем констатировать лишь то, что часть верховых казаков прислушивалась к проповедям “староверов”, критикующих Петра I.

Другое свидетельство об отождествлении Петра I с Антихристом, имеющее отношение к донским казакам, тоже не выглядит полностью достоверным. Имеется в виду извет бывшего стрельца Фёдора Аристова, прожившего на Дону около года. По этому доносу был арестован нижнечирский казак Игнат Пчелинец, который будто бы говорил в декабре 1700 г.: “он де, государь, не царь — Антихрист”; “царица де Наталья Кириловна родила царевну девицу, и вместо де той царевны своровали бояре, подменили иноземца Францова сына Лефорта”. Сам И. Пчелинец отрицал, что говорил подобное, причём укорял доносчика в сведениях личных счётов. По словам казака, Ф. Аристов носил его шубу, в ней же и ушёл из Нижнего Чира. Пчелинцу пришлось за ним гнаться, чтобы вернуть шубу себе. Когда же он догнал Аристова, между ними произошла ссора. Казалось бы, всё ясно — перед нами ложный донос. Но проблема в том, что Аристов утверждал, что история с шубой тоже вымысел. Из материалов дела невозможно заключить, кто прав и кому можно верить¹⁷.

Сложность ещё и в том, что другой донос Ф. Аристова — на казака Тишанского городка Лёвку Сметанина — подтвердился. Согласно извету, весной 1700 г. Л. Сметанин в гостях у казака А. Пиминова сообщил такую новость: “Государь де царь Иоанн Алексеевич жив, и живёт во Иерусалиме, а сшол де он во Иерусалим для того, что бояре воруют”. Мать А. Пиминова эти слова передала в таком варианте: “Государь де царь Иоанн Алексеевич здравствует и живёт во Иерусалиме для того, государь де царь Пётр Алексеевич полюбил бояр, а государь де царь Иоанн Алексеевич чернь полюбил”.

Кроме того, Ф. Аристов утверждал, что “ему де, Лёвке, про него, государя, что он, государь, жив, сказывал неведома какова чину человек Авилка, а пришол де тот Авилка из Еросалима, и на Дону того Авилку донские казаки почитают за святого, потому что де тот Авилка им, казакам, кто из них придёт к нему о чём справитца, пророчествует . Да тот же Авилка держитца расколу, к русским попам, которые приезжают на Дон из русских городов, к благословению не ходит”. Л. Сметанин подтвердил, что “на Дону у них пришлоу человек Авилка есть, живет на реке Калитве Белой, которая впала в Донец”¹⁸.

Напрашивается вывод, что часть верховых казаков если и не придерживалась раскола (это на Дону расценивалось, как “измена”), то, во всяком случае, относилась благожелательно к его последователям. И тем не менее, критичность во взгляде на Петра I не достигла той отметки, когда можно говорить об антимонархических настроениях. В глазах казаков Пётр остаётся “государем”, хотя и противопоставляется Ивану как друг бояр — другу “черни”. Кроме того, разобранные выше изветы не содержат и намёка на то, что верховые казаки собираются выступить против царя.

Доказательства того, что донские казаки в подавляющем большинстве остались по отношению к Петру лояльными, содержатся в других следственных делах.

В апреле 1700 г. жители Черкаска хотели казнить местного дьячка Н. Васильева за то, что он говорил, будто они не желают впустить царя “на остров” (в город) и собираются уйти на Кубань. Началось расследование, и оказалось, что всё это дьячок слышал от казака А. Чеботаря, собиравшегося уйти к раскольникам на р. Аграхань. Но самое интересное — в мотивах А. Чеботаря: он мечтал покинуть Дон потому, что казаков “на добычу не пускают..., а на Аракане де беглые казаки бусу разбили”. Черкасские жители расценили это намерение как измену великому государю и по приказу войскового атамана ездили “для поимки воровских казаков”¹⁹. Быть может, кое-кто в Черкасске и сочувствовал единомышленникам А. Чеботаря, покинувшим Дон, однако показательно, что казаки подчинились указу ловить “изменников”.

Следует думать, что большинство донцов хранило верность Петру не только из-за привычки подчиняться воинскому начальству. Нельзя сбрасывать со счетов также искреннее желание казаков служить государю в буквальном смысле “верой и правдой”.

Всё той же весной 1700 г. казаки ряда верховых городков (Краснянского, Сухарева, Боровского, Трёхизбянского), сидя за “брацким пивом”, говорили между собой: “долго ль нам так жить, государева жалованья нам не дадут, а которая де под нами земля есть, и тое де земли половину ныне у них отымают, пошла де от них к Москве станица бит челом о государеве жалованье, и тое де станицу на Москве по сё время одержали, неведомо для чего, знатно, недаром: хотят де над нами учинить так же, что и над стрельцами”.

Упоминание о подавлении стрелецкого восстания 1698 г. свидетельствует, что недовольство казаков направлялось не против царя, а против его сподручных — “бояр”. Об уважении к монарху свидетельствует и поведение пирующих во время инцидента, о котором поведал извечник — беглый стрелец Василий Иванов: “Да в то ж время ис казаков... один человек говорил вслух: “У нас де ныне государя нет, а то де не государь, немчин, а как бы де он был старой государь, и он бы де не так делал, а то де веру верует немецкую”. И те слова слышали иные казаки, на того казака кричали и прогнали ево из ызбы насеками. И он, Васка, стал было про того казака спрашивать, как ево зовут и чей слывет, и казаки за то ево, Васку, били и из города выбили вон, а иные приговаривали ево, Васку, посадить в воду”.

По всей видимости, донские казаки в это время не давали повода заподозрить их в оппозиционности правительству и царю, поскольку донос в Преображенском приказе не поверили. Извечник был бит кнутом, запятнан и сослан в Сибирь²⁰.

Можно привести ещё два навета на донских казаков, после подачи которых доносчики отрекались от своих слов. Остановиться на этих изветах нужно пото-

[с. 151]

му, что некоторые исследователи принимали их содержимое за чистую монету²¹. В обоих случаях речь шла о том, что Войско Донское собирается выйти из подданства русскому царю.

В 1700 г. подобное желание будто бы изъявили обитатели Скурихинского городка на Медведице: “ныне де до них государской милости не стало, пойдут де они на другую реку”. Годом позже поступил донос на “бурлака” Н. Смирнова, ушедшего из Качалинского городка на Волгу в судовые рабочие. Смирнову были приписаны слова: “Азову де городу недолго быть за государем; взяв де Азов город, донские казаки передадутца к турецкому салтану по-прежнему”²². Характерно, что даже в этих ложных наветах донцам не приписывается мысль о какой-либо борьбе с монархом, негативное отношение к нему выражается лишь в мифическом стремлении казаков выйти из-под его руки.

Достойна упоминания реакция казаков Кардаильского городка на Бузулуке, узнавших от “захребетника” А. Харина, что казак Я. Степанов якобы не хотел стрелять “про государево здоровье” 29 июня 1703 г., поскольку для него, дескать, это была пустая трата пороха. На допросе во время станичного сбора Харин отказался от своих слов. Тогда его предупредили, что если он подаст извет в Черкасске, то вместе с Я. Степановым арестуют и его. На всякий случай кардаильские казаки решили написать “в Войско” чтобы там не верили “затее” А. Харина. Впрочем, казаки зря волновались — ему не поверили даже в Преображенском приказе²³.

Помимо того, что в день именин Петра I во всех донских городках шла пальба за его здоровье, устраивались пиры, а там, где были храмы, совершались церковные службы, о лояльности донцов говорит и тот факт, что “азовской распопа” Иван Фёдоров, который, “будучи в Черкасском, говорил про государя непристойные слова” (апрель 1706 г.), был арестован казаками и отослан “для розыска” в Азов²⁴.

Неоднократно историки пересказывали и цитировали речь атамана “лёгкой станицы” Саввы Кочета (Кочетова), которую он произнёс в Посольском приказе в конце 1705 г. Для нас она интересна следующим: поскольку содержание подобных речей обычно заранее определялось ещё в Черкасске, на собрании войсковых старшин, постольку в словах С. Кочета следует видеть изложение позиции войсковой верхушки.

Согласно черновой (первоначальной) записи слов С. Кочета, “казакам от великого государя никакого утеснения (кроме того, что им Изюмской полковник Фёдор Шидловской обиды чинит во всём многие) нет”. Далее, “тем де они, донские казаки, перед иными народами от него, великого государя, пожалованы и взысканы, что к ним и по сё число о бородах и платье его, великого государя, указу не прислано”. Однако если “к тому будет изволение на них его, государское, и они де в воли в его, государской, противными не будут...”²⁵

Итак, выглядит закономерным, что донские казаки не поддержали восстание в Астрахани 1705 г. В призывном письме на Дон астраханцы писали, что их выступление “учинилось за веру христианскую: и за борода, и за немецкое платье, и за табак”²⁶. Но у казаков подобных мотивов для участия в восстании не было, поскольку они сохранили привилегию носить борода и старую одежду. Кроме того, о событиях в Астрахани казаки узнали не из письма восставших, которое было прочитано в Черкасске 25 августа 1705 г., а из послания царицынского воеводы, отправленного 17 августа. Последнее было получено до приезда астраханских послов, причём, естественно, воевода представлял восстание в невыгодном для его участников свете.

В Черкасске сразу был созван войсковой круг, на котором “о том их, астраханских бунтовщиков, злохитром вымысле было у них, казаков... крестное целование, чтобы никто из них, казаков, к тому злому делу не приставал, о чём и во все донские верхние городки к атаманом и казаком посланы... войсковые их письма с жестоким смертным страхом, дабы ис тех верхних казацких городков к тем астраханским и иным... ворами и бунтовщикам не приставали ж...”²⁷

Таким образом, войсковая организация казаков, их дисциплинированность были использованы казачьей верхушкой для пресекновения возможной помощи восставшим. Эта акция увенчалась успехом: среди астраханских бунтовщиков оказался лишь один донской казак²⁸. Данный факт ещё раз доказывает, что в начале XVIII в. у жителей Дона не было навязчивой мысли о восстании, что их недовольство политикой правительства (а иногда и лично царём) не выходило за допустимые пределы.

Обратимся теперь к тем “обидам”, которые, по словам С. Кочета, донские казаки терпели от жителей Изюмского слободского полка. Речь идёт о борьбе за соляные промыслы и уголья по рр. Бахмут, Красная и Жеребец. Посмотрим, кого в этом конфликте видели донцы своим противником.

Первыми насельниками Бахмутских угодий следует признать жителей Изюмского полка — уже в 1700 г. они владели “изстари” землями по рр. Красная и Жеребец. Причём владели

этими угодьями изюмцы с ведома белгородского воеводы, который в сентябре 1703 г. узаконил их право собственности выдачей соответствующей грамоты “по указу великого государя”²⁹. Что касается донских казаков, то они до 1700 г. появлялись на Бахмуте и соседних реках “наездом”, периодически. Впрочем, это не мешало им смотреть на спорные земли как на свои, поскольку в “казацкую обыкность” входила традиция владеть землями “без крепостей”, на основе трудового права³⁰. Свой городок на Бахмуте донцы построили в 1702 г.³¹ Это сразу вызвало естественное недовольство изюмцев, начались споры и стычки. По сути дела, столкнулись два понимания законности — “письменное” и “устное”: изюмцы ссылались на документы, а донцы — на свою “обыкность”.

Правительство, естественно, придерживалось “письменного” понимания справедливости: в апреле 1703 г. Пётр I своим указом повелел, чтобы спорными землями ведал полковник Изюмского полка Ф. В. Шидловский³². Однако донские казаки не успокоились, столкновения продолжались. Ничего не могли изменить и два других царских указа — об отписке бахмутских солеварен в казну (февраль 1704 г.) и о передаче всех спорных земель, за исключением двух мельниц и пасеки на Жеребце, во владение Изюмскому полку (октябрь 1704 г.)³³.

Может показаться, что донские казаки открыто противятся воле монарха. Но не всё так просто: в XVII — начале XVIII вв. на Дону считались действительными только те указы царя, с которыми ознакомились “в Войске” (Черкасск) и которые подкреплялись войсковыми распоряжениями. Любые действия на Дону в соответствии с царским указом, но без “войскового ве-

[с. 152]

дома” расценивались как незаконные³⁴. К этому следует добавить, что “Войско” принимало во внимание только высочайшие указы, присланные из Посольского приказа, любые повеления из других приказов рассматривались лишь в том случае, если к ним опять-таки прилагалась “послушная грамота” из Посольского³⁵.

Соответственно во время борьбы за Бахмут казаки не считали необходимым подчиняться царским указам, присланным на имя Ф. В. Шидловского, равно как и посланиям в Черкасск не из Посольского приказа. О том, что именно такая причина питала упорство донцов, свидетельствует письмо Шидловского, полученное в Москве 5 ноября 1705 г. В феврале этого года вся соль в стране была “отписана на государя” (была введена государственная соляная монополия). Грамоту об этом на Дон решили послать только 23 августа, для чего в Посольский приказ было направлено соответствующее распоряжение. Однако надлежащую грамоту казаки в 1705 г. так и не получили. Не удивительно поэтому, что Шидловский жаловался в своём письме на донцов, не позволяющих описать солеварни, да к тому же заявляющих, что они не слушают указов, присланных не из Посольского приказа³⁶.

По этой же причине донские казаки отказались подчиняться указу воронежского управителя Ф. М. Апраксина, запретившего им вступать во владения Изюмского полка. Наоборот, из Черкаска на Северский Донец были посланы письма с повелением казакам “выбивать” изюмцев из бахмутских угодий. Такая решительность объясняется тем, что донцы ждали “справедливого” царского указа, т. е. в своих действиях они руководствовались уверенностью, что спор неизбежно будет решён в их пользу³⁷.

К. Булавин, будучи атаманом Бахмутского городка, действовал не на свой страх и риск, а так, как этого требовала “казацкая обыкность” и войсковая администрация. Арест дьяка А. Горчакова, приехавшего 3 июня 1706 г. на Бахмут по приказу А. Апраксина, чтобы сделать опись “разорений” и оставить отряд солдат, был произведён Булавиным в соответствии с предписаниями войскового права. Казаки, узнав, что у дьяка “указу бахмутским жителем и к

иним в Войско нет”, заявили Горчакову, “что они без ведома ис Черкасского на Бахмуте описывать и осматривать и ничего делать не дадут, и писали о том в Черкасское. И около постоялова двора поставили караул многолюдством с ружьём... А ево, Алексея, и с салдаты с постоялова двора не выпустили восемь дней и велели дожидатца против своего письма из Войска ведомости”. 11 июня в городок прибыли трое черкасских старшин (Н. Саламата, И. Машлыкин, К. Минаев) с войсковой отпиской. Выслушав А. Горчакова, они “на Бахмуте соляных заводов осматривать и описывать не дали, и сказали, что де им войсковой атаман Лукьян Максимов со всем Войском приказывали словесно, чтоб тех соляных заводов описывать и осматривать они не давали...”³⁸

Таким образом, действия К. Булавина были одобрены войсковой администрацией. Последняя, в свою очередь, черпала уверенность в своём “наивном монархизме”. Впрочем, казаки были готовы принять и не выгодное им решение царя. Не случайно, что когда на Дон пришли “полновесные” царские указы (грамоты из Посольского приказа), Войско Донское им подчинилось. В первом указе (от 4 июня 1705 г.) говорилось о том, что уголья и селитренные заводы, принадлежавшие ранее полковнику И. Перекрестову, отписываются на государя и передаются в управление Ф. Шидловскому. Хотя селитренные заводы находились на землях донских казаков, тем не менее изюмцы доступ к ним получили. Наконец, конфликт оказался полностью исчерпанным, как только на Дон в сентябре 1706 г. пришла грамота из Посольского приказа с царским запретом “чинить обиды” изюмцам, к которым окончательно переходили спорные земли. Из грамоты следовало, что великий государь очень недоволен разгромом солеварен в октябре 1705 и январе 1706 гг. — делом рук бахмутских казаков под предводительством К. Булавина. Указом предписывалось вернуть изюмцам награбленное, провести розыск о грабеже “в правду”³⁹.

Результатом войскового розыска стало снятие К. Булавина с поста бахмутского атамана. Этот пост в феврале 1707 г. занял черкасский казак (по всей видимости, из числа “знатных”) Семён Кульбака. В конце марта 1708 г. его сменил другой черкасский казак — старшина Харитон Абакумов⁴⁰.

Таким образом, донские казаки в борьбе за бахмутские уголья видели своим противником отнюдь не царя и даже не всех “бояр”, а лишь начальство Изюмского полка, его жителей и, возможно, администрацию Белгорода, в подчинении которой находился этот полк. При этом важно отметить, что бахмутский конфликт нельзя обозначить ни как восстание, ни как бунт, поскольку здесь не было столкновения казаков с вышестоящими по отношению к ним властями, да и правительство не расценило этот конфликт как нечто опасное и требующее карательных акций.

Мало внимания правительство обращало и на конфликты, которые часто вспыхивали между казаками и воеводами близлежащих к Дону городов. В конце XVII в. казаки жаловались в Москву на произвол управителей Воронежа, Валуек, Астрахани, Царицына, Тамбова, Романова, Ельца⁴¹. К осени 1707 г. в число “бояр” — врагов Дона — попали азовский губернатор и воеводы Козлова, Борисоглебска, Дмитровска⁴².

Если говорить о “московских боярах” (придворных и членах правительства), то негативное отношение к ним у донцов было вызвано, во-первых, сочувствием казаков к тяглым людям, которые, как писал в мае 1708 г. К. Булавин, “бегут на Дон денно и ночью з жёнами и з детьми”⁴³. Во-вторых, недовольство казаков было вызвано тем, что и лично им “чинятца обиды и подводы берут”⁴⁴. Действительно, лишь за один 1706 г. на Дон было прислано 6 указов, обязывающих казаков давать подводы различным чиновникам и помогать им при перевозке провианта⁴⁵. С точки зрения донцов, это было унижительно, поскольку напоминало одну из повинностей тяглого населения.

В-третьих, жители вольного Дона ставили в вину “московским боярам” то, что они “старое поле всё перевели и ни во что почли”⁴⁶. Имелось в виду наступление правительства на казачьи права и вольности, а также его попытку провести “чистку” донского населения.

Очень часто исследователи, изучающие предысторию булавинского восстания, акцентируют внимание на перечислении царских указов, нарушавших исконное казачье

право, закреплённое формулой “С Дону выдачи нет”. Авторы подразумевают, что это правило для казаков и в начале XVIII в. оставалось неизменным. Однако на самом деле право убежища к этому времени

[с. 153]

в глазах казаков было уже не таким безусловным, как ранее. В соответствии с царскими грамотами войсковая администрация официально признала, что на Дону могут жить законным образом лишь те, кто пришёл сюда до 1695 г. Распоряжения из Черкаска (например, “заимные грамоты”) запрещали казакам принимать беглых⁴⁷.

Конечно, “новопришлые” проникали в ряды казаков, но в случае “сыска” они далеко не всегда могли рассчитывать на заступничество со стороны “Войска”. Более того, в мае 1707 г. черкасские старшины сами провели сыск в верховых городках, результатом которого стала высылка 30 семей “новопришлых” в Валуйки⁴⁸. Рядовое казачество не одобряло потакания “боярам” и зачастую вступало в конфликты с казацкой верхушкой, когда речь заходила о выдаче беглых⁴⁹. Соответственно войсковой администрации приходилось лавировать, не усердствовать особо при выполнении запретительных указов. Это привело к тому, что Пётр I, не полагаясь на казачье начальство, стал посылать специальные команды для сыска беглых.

Впервые такая команда появилась на Дону в 1703 г. Стольникам М. Кологривову и М. Пушкину царским указом было предписано по всем верховым городкам до Паншина “у атаманов и казаков взять сказки, сколь давно те городки почались и сколь давно те казаки пришли...” Тех, кто пришёл на Дон до 1695 г., но не участвовал в Азовских походах, повелевалось переселить на почтовый тракт Валуйки — Азов. Что касается “новопришлых”, то их ждало возвращение “в те ж городы, откуда они пришли”, а каждого десятого из них — азовская каторга⁵⁰.

Казаки не стали препятствовать стольникам, ибо те приехали “по великого государя указу и по грамотам ис Посольского приказу”. Но сыск оказался безрезультатным. В 50 городках посланники “не изъехали ни одного человека”, который бы оказался “новопришлым”. Повсюду казаки, давая “сказки за руками под смертной казнью”, говорили, что “новопришлых” среди них нет, а неучаствовавшие в Азовских походах уже переселены туда, куда нужно⁵¹.

Объяснить всё это можно только тем, что казаки говорили неправду, а войсковая администрация их покрывала. Но почему “Войско” заняло такую позицию? Насколько можно судить, оно обнаружило “законные” основания для саботажа сыска. Во-первых, тех казаков, кто не был в Азовских походах, оправдывала донская традиция: “по древней обыкности в те азовские походы изо всех городов от 3-х ходило по 2 человека, а третий из жребья оставлен был для обережи неприятельского в городках. И многие де те остальные были ис таких людей, которые пришли к ним на Дон с Руси издавно, до тех азовских походов, а иные тех казацких городков и уроженцы, а не такие, что которые вновь пришлые”. Во-вторых, черкасская администрация вспомнила о полученных ранее грамотах, согласно которым людей, осевших на Дону между 1695 и 1700 г., надо было “поселить по двум дорогам от Рыбного и от Волуйки к Азову и к Троецкому. И по тем грамотам на указных местех те казаки поселены, и естли де тех в Русь ныне высылать, и у них де на Дону на указных местех не останетца жить ни единого человека”. Таким образом, казаки намекали на возможное причинение ущерба интересам великого государя. В-третьих, на позицию войсковой администрации повлияло и “великое сумнение” среди верховых казаков, которые посчитали, “что есть на них .. некакой его, государев, гнев”, раз “ниже Паншина те стольники в городках их, казацких, никого не переписывают”. Брожение в верховьях Дона

было вызвано и тем, что сыщики переписывали по имени “не токмо новопришлых..., но и старожильцов”, не доверяя казачьим “скаскам”⁵².

Второе столкновение донцов и “сыщиков” произошло в июле 1704 г. Из Воронежа на р. Богучар был послан майор Д. С. Шанкеев с 50 солдатами “искать новопришлых людей, которых де городов люди приписаны к корабельному делу”. Правда, в наказе майору не уточнялось, кого следует считать “новопришлым”. Быть может, поэтому, приехав в Богучарский городок, он стал высылать всех казаков подряд. Войсковая администрация сочла действия Д. Шанкеева незаконными, ибо он поступал “без указа великого государя и без нашего войскового ведома”, а богучарские казаки, наоборот, поселены “по его, великого государя, указу именному и по грамоте ис Посольского приказу”. Кроме того, майора предупредили: “без нашего войскового ведома тебе, хотя б и с указом великого государя, с той реки Бугучару казаков наших в Русь ссылать и побивать с того места не за что”⁵³.

Таким образом, факт сыска беглых сам по себе донских казаков к восстанию не толкал. Войско Донское находило вполне легальные способы помешать сыщикам. И действительно, в обоих случаях были основания считать появление сыщиков если не произволом со стороны отдельных “бояр”, то по крайней мере курьёзом, вызванным “неполадками” в государственной машине. Причём в обоих случаях казаки, ставшие жертвами приезжих чиновников, себя защищали не с оружием в руках, не нападением на сыщиков, а посредством апелляции в Черкасск, после чего в дело вступала войсковая администрация: “обидчикам” направлялся протест и посылались жалобы царю.

В целом анализ источников показывает, что те 10 лет, которые составили канун булавинского восстания, донские казаки вели себя лояльно по отношению к царю, чей авторитет в их глазах оставался весьма высоким. Недовольство же, которое накапливалось у казаков, теряющих свои исконные права, обращалось лишь против “бояр” — правительства, придворных и воевод соседних с Доном городов. При этом до осени 1707 г. желание взяться за оружие возникло у донцов только дважды, и оба раза это желание не было связано с появлением “сыщиков” на Дону. Чем же тогда объяснить, что 8 октября 1707 г. восстание всё-таки вспыхнуло?

Поскольку выступление под предводительством К. А. Булавина началось нападением на сыска отряд Ю. В. Долгорукого, можно предположить, что либо в самом характере сыска было нечто экстраординарное, либо сыск был вполне “обычным”, но ситуация, в которой он проходил, кардинально отличалась от ситуации предшествующих лет. Посмотрим, какой из этих вариантов ближе к истине.

Царским указом от 6 июля подполковнику Ю. В. Долгорукому предписывалось “во всех казачьих городках” людей, пришедших после 1695 г., высылать на старые места жительства “за провожатыми”, а “воров и забойцов” отослать в Азов или Москву. Кроме того, указывалось провести розыск “налогов и обид”, которые потерпели изюмцы от донских казаков, а также выяснить, почему А. Горчакову не дали описать бахмутские солеварни и кто в этом виноват⁵⁴. О

[с. 154]

миссии Ю. Долгорукого сообщила “Войску” царская грамота, присланная “из военного походу из Люблина”. В соответствии с ней в помощь князю отрядили 5 “знатных старшин”, снабжённых “войсковыми послушными письмами” к станичным атаманам и казакам. Вдобавок по всем верховым городкам были разосланы войсковые предписания, “чтоб ис тех городков казаки до приезде ево, полковникова, и их, донских старшин, никто никуда не розъезжались. А как они приедут, и им бы быть во всём послушным”⁵⁵.

Чем объяснить предупредительность войскового атамана и старшин? Во-первых, возможно, личным знакомством с князем, который служил в Таганроге, где у некоторых

черкасских казаков были торговые бани⁵⁶. Во-вторых, услужливость “войска” было ответом на уступку Ю. Долгорукого, который не стал упорствовать, чтобы его отряд пропустили в Черкасск для проведения сыска⁵⁷. В-третьих, войсковая администрация не смела препятствовать воли монарха.

Многие исследователи пишут о жестокости и даже изуверстве сыщиков, которые-де жгли городки, пытали и били кнутом казаков, отрезали им губы и носы и т. п. Однако эти обвинения в адрес князя и его подручных формулируются лишь в мае 1708 г., — их выдвигает К. Булавин в письмах к запорожским и кубанским казакам. Причём в обоих случаях Ю. Долгорукий упоминается вместе с “неправыми старшинами”⁵⁸.

Всесторонний анализ источников не позволяет сделать вывод о чрезмерной жестокости сыщиков, перешедшей, по понятиям того времени, пределы допустимого. Если говорить о наказании кнутом, то подобная мера по отношению к “новопришлым” предписывалась ещё указом 1703 г. хотя тогда не применялась⁵⁹. Однако видеть здесь жестокость может лишь тот, кто не знает, что по войсковому праву за утайку “новопришлых” полагалась смертная казнь. Что же до разорения городков, насилия над казаками и их семьями, то всё это делали не солдаты во главе с Ю. Долгоруким, а карательные войска, ведомые старшинами, помогавшими князю при сыске, уже после разгрома сыска отряда, после начала булавинского восстания. Об этом свидетельствуют как документальные материалы, так и письма самого К. Булавина⁶⁰.

Итак, в самом характере сыска не было чего-то сверхординарного. Остаётся признать, что если отряд Ю. Долгорукого был-таки уничтожен, то причина этого кроется во внешних (по отношению к действиям сыщиков) моментах, что всё решила ситуация на Дону, в которой сыск проходил.

Прежде всего обратим внимание на то, что восставшие доказывали незаконность сыска: они подчёркивали, что Ю. Долгорукий действовал “без ведома и без совету всего их Донского Войска”⁶¹. На первый взгляд, это обвинение противоречит данным об участии войсковых старшин в отыскании беглых. Но все ли старшины в этом участвовали? Вся ли казачья верхушка одобрила проведение сыска?

“Распросные речи” казака Л. Карташа содержат упоминание о круге в Черкасске после появления близ города отряда Ю. Долгорукого, т. е. в первых числах сентября. Вот что нас интересует: “и в Черкасском де казаки в кругу говорили, чтоб побить бояр и иноземцов”; “в Черкасском де ево, князь Юрья, умышляли казаки убить и не убили для того, что их казаки есть на службе великому государю в Польше”⁶².

Тот факт, что князь был отпущен из Черкаска, да ещё в сопровождении старшин и рядовых казаков, объясняется, на наш взгляд, не только тем, что казаки боялись за судьбу своих товарищей и родственников, участвующих в Северной войне. Как известно, в начале XVIII в. войсковой круг представлял собой обычно сбор черкасских казаков под руководством старшин, которым принадлежало решающее слово⁶³. Если в кругу по прибытии Ю. Долгорукого разгорелся спор, это значит, что в дискуссии со обеих сторон участвовали равноправные стороны. Иначе говоря, не только рядовые казаки выступали против сыщиков, их смерти желал кое-кто из старшин. По крайней мере один человек нам известен — это Илья Григорьев (Зерщик). Пленный булавинец на допросе говорил, что “всё воровство и бунт от него”. В сентябре 1707 г. писарь К. Булавина читал в повстанческом кругу письмо от И. Зерщикова с призывом убить Ю. Долгорукого⁶⁴. Повстанцы в 1708 г. говорили, что после боя под Закотенским городком (18 октября 1707 г.) К. Булавин, которого повсюду искали и за голову которого было обещано 200 руб., тайно (в одежде монаха) присутствовал в Черкасске на войсковом круге, причём об этом знал И. Зерщик. Наконец, в одном своём письме Булавин, обращаясь к Зерщикову, называл его “батюшкой”⁶⁵.

Почему И. Григорьев отказался потакать сыщикам и пошёл против “знатных старшин”? Дело, очевидно, в том, что он чувствовал себя оскорблённым и был недоволен своим положением. В 1700 г. И. Зерщикова избрали войсковым атаманом, но затем, по требованию

Петра I, он был вынужден уступить свой пост Л. Максимову⁶⁶. С этого времени Григорьев не входил даже в число “первых” старшин, составлявших ближайшее окружение войскового атамана.

Получается, что К. Булавин, готовясь к нападению на отряд Ю. Долгорукого, рассматривал свои действия как справедливые и законные. За его спиной стояла часть войсковых старшин во главе с И. Зерщиковым. На переговорах с карателями 18 октября 1707 г. руководитель восставших говорил, что всё “он делал по их, донских казаков, совету, и про тот бунт ведали казаки, которые посланы были из Черкасского с ним, князь Юрьем, 5 человек”. Об этом же Булавин заявил на круге в Черкасске после его захвата в мае 1708 г.⁶⁷

И. Зерщиков нашёл в лице К. Булавина верного союзника потому, что последний тоже был настроен против Л. Максимова и его окружения. Во-первых, вспомним снятие Булавина с атаманства в Бахмутском городке. Во-вторых, чтобы помочь Ю. Долгорукому провести розыск по делу дьяка А. Горчакова, казачье руководство распорядилось арестовать Булавина и отослать его князю, который Северским Донцом шёл на Бахмут⁶⁸.

Но почему Булавин не удовлетворился тем, чтобы скрыться от сыщиков, убежать, как это делали многие казаки? Зачем ему и Зерщикову нужна была смерть Ю. Долгорукого? Ведь и тот, и другой не могли не понимать, что убийство царского посланника будет расценено как выступление против самого царя, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Значит, они были уверены в том, что восстание не направлено против монарха., что их выступление превратно истолковать в глазах монарха не удастся никому.

Вспомним теперь о круге в Черкасске после приезда сыщиков: казаки собирались побить не только “бояр”, но также “иноземцов”. Пора задать вопрос:

[с. 155]

причём тут иностранцы? И почему среди целей и лозунгов булавинского движения была борьба с “немцами”? Почему, наконец, упоминания о “немцах” в повстанческих воззваниях постоянно коррелируют с призывами убивать “прибыльщиков”⁶⁹ — изобретателей налогов, членов специальной комиссии при Петре I⁷⁰?

Ответить на этот вопрос можно только в том случае, если обратить внимание на повод булавинского восстания. В России XVII–XVIII вв. поводом движений социального протеста часто служили слухи о гибели монарха от рук “изменников” или об угрозе ему со стороны “бояр”⁷¹. Напрашивается вывод, что и в случае с восстанием К. Булавина роль детонатора сыграли подобные слухи.

Речи и воззвания булавинцев в марте — апреле 1708 г. пропитаны уверенностью, что восставшие “стоят за великого государя, дом пресвятой Богородицы и истинную веру”⁷². Можно подумать, что повстанцы были убеждены в том, будто жизни монарха, а также церкви и религии что-то (или кто-то) угрожает. Действительно, 6 апреля 1708 г. Л. Хохлач, один из ближайших сподвижников Булавина, в разговоре поведал, что “великого государя и государя царевича вживе нет давно, а владеют де государством бояре да прибыльщики и немцы”. Очевидно, подобные разговоры вели и другие участники движения, ибо в одном из донесений сообщалось: восставшие “говорят слова неистовые, что де их невозможно и писанию предать”⁷³.

Приведём ещё ряд примеров. В марте 1708 г. повстанцы отогнали лошадей с “государева драгунского двора” под Тамбовом, считая, что теперь эти лошади “боярские, а не государевы”. Дворцовым крестьянам булавинцы говорили, “чтоб они на великого государя хлеба не сеяли, а пахали б на себя”⁷⁴. Повстанцы обличали войскового атамана и его окружение за то, что они “реку продали бояром”⁷⁵. В своём письме на Кубань от 27 мая 1708 г. К. Булавин сообщал: “в прошлом 1707-м году они, Лукьян с товарищи, списывались з бояры, чтоб у нас на реке русских пришлых людей всех без остатку выслать, хто откуды

пришел с первого азовского походу. И по тем их, прежде бывших старшин, з бояры письму и совету прислали они, бояре, от себя к нам на реку полковника князя Юрья Долгорукова со многими начальными людьми для того, чтоб... всю реку разорить”⁷⁶. В других посланиях атаман восставших подчёркивал, что Л. Максимов и его помощники высылали беглых осенью 1707 г. “не против его, великого государя, указу”, жгли городки “без его, великого государя, указу”, т. е. всё время действовали, “пересоветов з бояры”⁷⁷.

Таким образом, К. Булавин и его соратники подняли восстание потому, что были уверены в насильственной смерти Петра I и его сына. Именно поэтому казаки и голытьба не желали более терпеть произвол “бояр”, посланцем которых выглядел Ю. В. Долгорукий. Выступление под предводительством К. Булавина, с точки зрения его инициаторов, было совершенно законным и необходимым. Главной целью движения провозглашалась месть за гибель царя и царевича, свержение с престола узурпатора — “немчина”⁷⁸.

Как и во время других выступлений социального протеста в России XVII–XVIII вв., повод булавинского восстания определял не только главную цель, но и планы восставших, маршрут их движения. 12 октября 1707 г. в Староборовском городке К. Булавин так сформулировал перспективы восстания: “И как городки свои к себе склонят, пойдут Изюмским полком по городом и до Рыбного, и коньями и ружьём и платьем наполнятца, и пойдут в Азов и на Таганьрог, и свободят ссылочных и каторжных, которые им будут верные товарищи... И на весну, собрався, пойдут на Воронеж и до Москвы, и идучи, которые не будут к ним уклонятца, и тех станут бить”⁷⁹. В марте — апреле 1708 г. повстанцы, собиравшиеся в верховых городках на Дону, планировали после захвата Азова и Таганрога двигаться по маршруту: Тамбов — Тула — Москва. Судя по всему, конечным этапом выступления виделся поход в Польшу⁸⁰.

Мысли о заграничном походе были вызваны, очевидно, тем, что Пётр I в то время находился с войсками в Польше. Следовательно восставшие полагали, что смерть царя наступила именно там. Сообразно с этим в число заговорщиков против государя были включены не только “бояре” (видимо, придворные), но и “немцы” (поляки? шведы? наёмники?). Что касается “прибыльщиков”, которых восставшие “грозили разыскать... в Москве”⁸¹, то их роль в заговоре была, скорее всего, подсобная: они должны были уморить наследника престола. Об этом свидетельствуют подмётные письма, которые находили в 1707—1709 гг. в соседнем с Доном Шацком уезде. Вот краткий пересказ одного из этих писем: “В том письме проклятой вор и еретик Александр Меншиков писал к друзьям своим, к прибыльщиком, чтоб великого государя, благоверного царевича Алексея Петровича они, прибыльщики, извели”⁸². Однако в Москве “злое дело” не удалось: царевич Алексей остался жив. Среди крестьян Тамбовского уезда в мае — июне 1708 г. разошлась молва: “Царевич де по Москве гуляет с донскими казаками, и как увидит на Москве которого боярина, и им, казакам, мигнёт, и они де, казаки, ухватя того боярина за руки за ноги, бросят в ров”. Новый слух лишь дополнял прежний: вместо Петра I на троне числился “подменный” царь. Крестьяне говорили: “У нас де государя ныне нет, это де не государь, что ныне владеет, да и царевич де говорит: это де мне не батюшка и не царь”⁸³.

Таким образом, восстание под предводительством К. Булавина было стихийным: оно вспыхнуло без длительной предварительной подготовки. Главным фактором его возникновения оказалось не столько многолетнее недовольство донских казаков политикой правительства, сколько их стремление служить Петру I верой и правдой. Ненависть к “боярам”, коренившаяся в личном опыте казаков, прорвалась наружу лишь тогда, когда на Дон дошли слухи о гибели и подмене законного государя. Те, кто первыми узнали новость и поверили ей, составили начальную базу выступления. Можно полагать, что даже если бы осенью 1707 г. на Дону “сыщиков” и не было, восстание всё равно бы началось — повод к выступлению в этом случае не стал бы менее весомым.

- ¹ Полевой Н. А. История Петра Великого. СПб., 1843. Ч. 2. С. 295, Аристов Н. Я. Об историческом значении русских разбойничих песен. Воронеж, 1875. С. 58; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 270–273; Кафенгауз Б. Б. Россия при Петре I. М., 1955. С. 53–55; Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. М., 1962. С. 107–108; История СССР с древнейших времён до наших дней: Первая серия. М., 1967. Т. 3. С. 291–292; Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 140–141; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 235, 245–246; Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 66.
- ² Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1995. Кн. 2. С. 395; Краснов Н. И. Исторические очерки Дона // Русская речь. 1881. № 1. С. 77; 1882. № 1. С. 196–197, 205–206; Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 8. С. 119; Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924. С. 130–131; Лебедев В. И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 30; Чаев Н. С., Бибикова К. М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Труды Историко-археологического ин-та АН СССР. М., 1935. Т. 12. С. 17–18; Корчин М. Н. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д., 1949. С. 17; Лунин Б. В. Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов н/Д., 1951. Кн. 2. С. 110; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 258.
- ³ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 367–369; История Донского казачества. Новочеркасск, 1914. С. 173–176; Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск, 1917. С. 20; Лебедев В. И. Указ. соч. С. 30–31; Чаев Н. С. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1934. С. 50, 53, 71–72; Лунин Б. В. К истории донского казачества. Ростов н/Д., 1939. С. 169; Пронштейн А. П. Указ. соч. С. 222.
- ⁴ Гербель Н. В. Изюмский Слободской казачий полк (1651–1765). СПб., 1852. С. 50–51; Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 137–138; Томсинский С. Г. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932. С. 102–103; Мининков Н. А. К. А. Булавин: Из истории формирования личности народного вождя // Изв. Северо-Кавказского науч. центра высшей школы: Обществ. науки. 1987. № 3. С. 64, 68–69.
- ⁵ См.: Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 52; Домановский Л. В. Народное потаённое творчество // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 257–258, 265, 271; Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1994. Ч. 1. С. 62–65; Тверь, 1995. Ч. 2. С. 30–32, 55–57.
- ⁶ См.: Савельев А. М. Сборник донских народных песен. СПб., 1866. С. 92–94; Исторические песни XVIII века. Л., 1971. №№ 29, 155.
- ⁷ Листопадов А. М. Донские исторические песни. Ростов н/Д., 1946. № 49.
- ⁸ Пыпин А. Н. Дело о песнях в XVIII веке (1704–1764) // Изв. Отделения рус языка и словесности имп. АН. 1900. Т. 5. Кн. 2. С. 555–561.
- ⁹ Богословский М. М. Пётр I: Материалы для биографии. Л., 1946. Т. 3. С. 177–178, 192.
- ¹⁰ Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 30.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 7–7 об.; РГАДА. Ф. 371: Преображенский приказ (далее — ПП). Оп. 2. Ед. хр. 485. Л. 5–6; см. также: Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 89–90, 98–100.
- ¹² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 12. Ч. 2. Л. 5–23; Ч. 7. Л. 45, 81.
- ¹³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 176–180, 190, 193–194; см. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 114–117.
- ¹⁴ ПП. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 19. Л. 41–42 об., 45 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 40 об., 41, 42; см. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁶ ПП. Оп. 2. Ед. хр. 1137. Л. 1–16; см. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 145–146.
- ¹⁷ ПП. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 291. Л. 11–12, 47; см. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁸ ПП. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 291. Л. 11, 38–40.
- ¹⁹ ПП. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 19. Л. 5–6, 15–17, 40; см. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 44.
- ²⁰ ПП. Оп. 2. Ед. хр. 841. Л. 5–6; см. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 125–126.
- ²¹ См.: Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 118–119.
- ²² ПП. Оп. 2. Ед. хр. 815; Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 291. Л. 3–5.
- ²³ ПП. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 122. Л. 4–4 об.
- ²⁴ ПП. Оп. 2. Ед. хр. 1143. Л. 226.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 167–168.
- ²⁶ Там же. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Л. 163 об.; РГАДА. Ф. 9: Кабинет Петра I. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 18. Ч. 1. Л. 48 (далее – Кабинет Петра I); см. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 296–297.
- ²⁸ См.: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 250, 254.
- ²⁹ Труды Историко-археологического ин-та АН СССР. М., 1935. Т. 12: Булавинское восстание (1707–1708). С. 94–95 (далее — БВ).

³⁰ См.: Грамота Петра I от 14 октября 1704 г. // Зап. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 362.

³¹ БВ. С. 90.

³² БВ. С. 92.

³³ БВ. С. 93, 106.

³⁴ См.: Дополнения к актам историческим... СПб., 1872. Т. 12. С. 132, 155.

[с. 157]

³⁵ “... И велено нам, Войску Донскому, слушать ево, великого государя, указов ис Посольского приказу, а не с иных приказов, разве с послушною грамотою с Посольского приказу, а с иных приказов без послушной грамоты ис Посольского приказу слушать не велено” // РГАДА. Ф. 111: Донские дела. Оп. 1. (далее — ДД). 1704 г. Ед. хр. 5. Л. 1 об.

³⁶ ДД. 1705 г. Ед. хр. 22. Л. 1–1 об.; 1706 г. Ед. хр. 19. Л. 3 об. – 4.

³⁷ ДД. 1706 г. Ед. хр. 19. Л. 3–3 об., 16–16 об., 34–34 об.

³⁸ Там же. Л. 14–15.

³⁹ Там же. Л. 1–6, 12, 15 об., 31 об., 47 об. – 48.

⁴⁰ Подъяпольская Е. П., Новое о восстании К. Булавина // Историч. архив. 1960. № 6. С. 123.

⁴¹ См.: Усенко О. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 44–45.

⁴² См.: Подъяпольская Е. П. Восстание... С. 107.

⁴³ БВ. С. 464.

⁴⁴ Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПиБ). Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 555.

⁴⁵ См.: ДД. 1706 г. Ед. хр. 22, 25, 28, 32, 37, 40.

⁴⁶ БВ. С. 452.

⁴⁷ См.: БВ. С. 109; Щелкунов С. 3. Об устройстве казачьих поселении и об юртовых при них довольствиях // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1907. Вып. 7. С. 55.

⁴⁸ БВ. с. 118.

⁴⁹ См.: ДД. 1707 г. Ед. хр. 6. Л. 1 об.

⁵⁰ БВ. С. 119.

⁵¹ БВ. С. 109, 120.

⁵² БВ. С. 121–122.

⁵³ ДД. 1704 г. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об.

⁵⁴ БВ. С. 113–114, 127.

⁵⁵ БВ. С. 131, 136–137.

⁵⁶ См.: ДД. 1708 г. Ед. хр. 9. Л. 1.

⁵⁷ БВ. С. 116, 119.

⁵⁸ БВ. С. 457, 461.

⁵⁹ БВ. С. 119–120, 137–138.

⁶⁰ См.: БВ. С. 133–134, 142–143, 453; ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 191–192; ПиБ. М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. 2. С. 651, 695.

⁶¹ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1898. Ч. 4. С. 164; БВ. С. 453, 457–458; ПиБ. Т. 7. Вып. 2. С. 695; Подъяпольская Е. П. Восстание... С. 37.

⁶² БВ. С. 162–163.

⁶³ Сухоруков В. Д. Указ. соч. С. 394; Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 119; Пронштейн А. П. Указ. соч. С. 231, 247.

⁶⁴ БВ. С. 328, 362.

⁶⁵ Подъяпольская Е. П. Новое... С. 126; Она же. Восстание... С. 39.

⁶⁶ Краснов Н. И. Указ. соч. 1881. № 2. С. 149.

⁶⁷ Масловский Д. Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. 1. С. 150; БВ. С. 261.

⁶⁸ БВ. С. 146; Подъяпольская Е. П. Новое... С. 124.

⁶⁹ См.: Сборник старинных бумаг... С. 160–161; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собр. генерал-майором А. А. Клишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 261; БВ. С. 167, 187, 195, 199, 203, 206, 220, 226, 230 и др.

⁷⁰ История Донского края. Ростов н/Д., 1971. С. 54; Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 196.

⁷¹ См.: Усенко О. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 18–19, 25–26, 29.

⁷² БВ. С. 195–196, 230, 450–452.

⁷³ БВ. С. 203–204, 220.

⁷⁴ БВ. С. 166, 183, 201.

⁷⁵ БВ. С. 206; Подъяпольская Е. П. Новое... С. 138.

⁷⁶ БВ. С. 461.

⁷⁷ БВ. С. 453, 457, 462, ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 191.

⁷⁸ См. также: Ригельман А. И. История о донских казаках. М., 1846. С. 96; Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1884, Вып. 3. С. 56–57.

⁷⁹ БВ. С. 130; см. также: С. 128, 131–134, 362; ПиБ. СПб., 1912. Вып 6. С. 454.

⁸⁰ БВ. С. 167, 176, 195, 203, 206, 450; Подъяпольская Е. П. Новое... С. 135; ПиБ. Т. 7. Вып. 1. С. 619; Кабинет Петра I. Л. 353 об.; см. также: Голиков И. И. Деяния Петра Великого... М., 1837. Т. 2. С. 308; Попов А. Г. История о Донском войске. Харьков, 1816. Ч. 2. С. 268.

⁸¹ Дипломатические сообщения английского посланника Чарлза Витворта (1704–1708) // Сборник имп. Русского ист. общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 7.

⁸² ПП. Оп. 2. Ед. хр. 1171. Л. 31.

⁸³ ПП. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 496. Л. 2 об. – 3, 17, 24.